

ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИКАНСТВА.

Популярный рационализмъ и научная критика Библии.

1.

Права темы на вниманіе читателя.—Популярный рационализмъ.—Борьба съ язычествомъ еще не окончена: социаль-демократы и христіанство.—R. P. A.—Уличные проповѣдники въ Лондонѣ.—Что за человекъ англійскій рабочій?—Ненаучность популярнаго рационализма и апологетическіе приемы борьбы съ нимъ.

Религіозныя и богословскія смѣны, прошедшія надъ англиканствомъ за послѣднія семьдесятъ лѣтъ, удобно сводятся подъ двѣ рубрики. Съ одной стороны онѣ выражаются въ католическомъ возрожденіи, измѣнившемъ въ лучшую сторону ходячее понятіе англиканъ о церкви и оказавшемъ всестороннее и глубокое вліяніе на ихъ церковную жизнь въ ортодоксальномъ направленіи. Съ другой стороны—въ тенденціи къ свободомыслію и новизнѣ, которая приближаетъ англиканъ къ протестантскому полюсу.

Изъ разныхъ сторонъ исторіи англиканства XIX-го столѣтія посчастливилось въ нашей русской богословской литературѣ особенно тому теченію, которое, являясь характерной чертой католическаго возрожденія, извѣстно подъ разными именами пьюзенизма, трактарианскаго или акефордскаго движенія, ритуализма.

Оно и понятно. Являясь скорѣе литургической и эстетической, чѣмъ догматико-богословской и религіозной тенденціей, и представляя собою не проявленіе генія англійскаго народа, а мимолетный эпизодъ въ исторіи одной только фракціи англиканства, это теченіе не могло и не можетъ пустить

глубокихъ корней въ Англіи, и потому стремится оторваться отъ англійской почвы для соединенія съ другими христіанскими вѣроисповѣданіями—по преимуществу римско-католическимъ (исключая, однако, папскій абсолютизмъ) и нашимъ православіемъ.

Этимъ объясняется нашъ интересъ къ теченію, которое само по себѣ взятое далеко не захватываетъ жизненной картины современнаго англиканства. Послѣднее вотъ уже болѣе полустолѣтія постепенно выдвигаетъ на сцену помимо католическаго возрожденія факты другаго рода, не менѣе интересные для постороннихъ зрителей, и чреватые гораздо болѣе серьезными послѣдствіями для англійскаго христіанства.

Эти факты живо затрогиваютъ не только англиканство въ его цѣломъ, но и другія христіанскія общины и характерны для настоящаго положенія христіанской религіи не только на британскихъ островахъ, но и, кажется, на всемъ европейскомъ материкѣ.

Послѣдующій историкъ современныхъ намъ религіозныхъ теченій въ Англіи, конечно, не будетъ придавать серьезнаго значенія спорамъ о ритуалѣ, которые благодаря „мѣди звенящей и кимвалу бряцающему“—современной англійской прессѣ—казались для многихъ такими важными. Современное англиканство стоитъ лицомъ къ лицу съ серьезной проблемой потому, что не ритуализмъ, не клерикализмъ, не сацердотализмъ и т. п., а основныя истины христіанства, фундаментъ и зданіе христіанской вѣры подвергаются ожесточеннымъ нападкамъ. Этотъ фактъ важнѣе всего для жизни современнаго англиканства и интереснѣе всѣхъ другихъ для посторонняго наблюдателя, причисляющаго себя къ той же христіанской религіи. Современная критика и отверженіе христіанской истины, въ теченіе столькихъ вѣковъ господствующей надъ умами европейскихъ народовъ—надъ умами самой передовой расы человѣческой—есть общій врагъ и англиканина и римско-католика и православнаго.

Кому не извѣстно, что нападки на христіанство у насъ на Руси дѣлаются нерѣдко съ чужаго голоса, и кто поручится, что сегодняшнія возраженія противъ христіанства, дѣлаемая здѣсь, въ Англіи,—завтра не придутъ къ намъ въ Россію и не станутъ выдаваться за послѣднее слово человѣческаго

разума, не придуть и не станутъ владѣть нами, не потому, что они научны или правдивы, а просто потому только, что популярны?

Никто не станетъ спорить также противъ того, что апологетика должна быть современной. Выступаютъ новые факты, съ которыми надо считаться. Политика страуса, прячущаго голову въ песокъ, гибельна. Вотъ почему каждый изъ насъ долженъ отнестись съ чувствомъ живѣйшаго интереса къ серьезному положенію религіи въ Англии, какъ она создается популярнымъ раціонализмомъ и библейской критикой.

Въ Германіи и у насъ въ Россіи слово раціонализмъ обозначаетъ опредѣленную школу или фазу богословской мысли, которая уже отжила свой вѣкъ. Мы употребляемъ выраженіе „германскій раціонализмъ“ въ томъ же смыслѣ какъ и „англійскій деизмъ“, „французскій скептицизмъ“ и т. п. Но въ Англии и особенно въ англійской богословской литературѣ слово раціонализмъ употребляется въ болѣе широкомъ смыслѣ и обозначаетъ способъ мышленія, который находитъ окончательный критерій для религіозной истины въ человѣческомъ разумѣ и въ человѣческой совѣсти—особенно въ разумѣ. Повсюду, однако, извѣстно и въ Англии и у насъ,—что раціонализмъ стремится отрицать историческое христіанство.

Называя раціонализмъ популярнымъ мы вовсе не хотимъ лишить его правъ на серьезное вниманіе со стороны ученаго апологета. Правда, *ученость* въ борьбѣ съ современнымъ англійскимъ раціонализмомъ еще далеко не все. Но вѣдь это, конечно, не ослабляетъ, а скорѣе увеличиваетъ трудность задачи.

Раціонализмъ потому и опасенъ, что популяренъ. Право же, всѣ эти современныя возраженія противъ христіанства объединенныя, напр., въ книжкѣ „God e My Neighbour“, если ихъ взять самихъ по себѣ—не заслуживали бы вниманія человѣка, получившаго систематическое богословское образованіе. Однако эти возраженія отторгаютъ массы людскія отъ вѣры, не смотря на то, что гдѣ-то тамъ, въ богословскихъ школахъ и философскихъ системахъ существуютъ достаточныя данныя для ихъ опроверженія. Жизнь и наука расходятся. Массы людскія не бывали въ богословскихъ школахъ и не знакомы съ философіей. Имъ и некогда разбирать фило-

софскія (или богословскія) тонкости. Тѣмъ не менѣе они живутъ, разсуждаютъ, вѣрятъ и отрицаютъ, находясь въ общеніи съ людьми, которые говорятъ привычнымъ имъ конкретнымъ языкомъ и вращаются въ области ихъ понятій.

Мы убѣждены, что язычество умерло для Европы и не воскреснетъ болѣе, не воскреснетъ не потому только, что басни его слишкомъ наивны (ихъ можно толковать аллегорически въ лучшемъ смыслѣ), и не потому, что оно влечетъ за собой упадокъ нравственности: были язычники воздержанные и строгіе. Нѣтъ, язычество не воскреснетъ въ Европѣ просто потому, что христіанство истина и на сторонѣ этой истины Богъ. Не важно, дѣйствительно ли Юліанъ сознался на смертномъ одрѣ въ своемъ пораженіи—важно то, что Галілеянинъ дѣйствительно побѣдилъ.

Но борьба еще не кончена. Свѣтъ и тьма, добро и зло, истина и ложь—эти два начала наполняютъ міръ своей борьбой и являются скрытой трагедіей каждой человѣческой жизни. Англія въ этомъ отношеніи не является исключеніемъ. Испоконь вѣковъ религія вездѣ имѣла противника въ видѣ организованной и могучей системы лжи и безнравственности. Всемирная исторія рисуетъ намъ эпохи прилива и упадка энергии въ этой вѣковѣчной борьбѣ.

Наблюдая современную англійскую жизнь мы видимъ, что нынѣ, повидимому, настало время, когда сила мрака умственного и нравственного—эта навязчивая илюзія матеріализма и натурализма—предстаетъ предъ человѣчествомъ съ такими настойчивыми претензіями на убѣдительность, какихъ въ ней ранѣе не было.

Заря XX-го вѣка благопріятствуетъ, кажется, попыткамъ матеріализма и рационализма, какъ они выражаются въ социаль-демократіи, отнять у христіанства ту священную почву, которой оно владѣетъ такъ долго—массы народныя.

Въ Англіи христіане сознаютъ себя силой агрессивной, воинствующей, и въ этомъ отношеніи они противоположны чахоточному типу непротивленцевъ. У нихъ жизнь—вездѣ борьба. И такъ какъ не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, то жизнь человѣческая съ христіанской точки зрѣнія есть борьба не изъ за хлѣба, а изъ за жизненныхъ принциповъ человѣческаго духа—правды и добра. Искупленіе есть побѣда.

Но усвоение плодовъ этой побѣды правды и добра „нудится“, достигается борьбой. Поскольку мертвящая сила грѣха приражается къ безсмертной душѣ человѣка—христіанство заповѣдуетъ борьбу не только съ плотію и кровію—но и съ представителями злобы поднебесной, съ духомъ времени и антихристіанскимъ направлениемъ мысли. Если же вся общественная атмосфера насыщена нехристіанскими испарениями—нужно бороться со всѣмъ обществомъ, дышущимъ зараженнымъ и отравленнымъ воздухомъ—бороться со всѣмъ социальнымъ укладомъ его.

При такомъ пониманіи христіанства становится понятнымъ странное на первыхъ порахъ явленіе, въ Англіи теперь социаль-демократы оставляютъ привычный имъ путь социальныхъ реформаторовъ и начинаютъ заниматься... богословскими вопросами, хотя, конечно, они и неподготовлены для надлежащаго обслѣдованія послѣднихъ. Но въ этомъ нѣтъ уклоненія съ прямого пути. Социаль-демократы потому и нападаютъ на христіанство, что они не хотятъ сворачивать; видя, что христіанство стало имъ поперекъ дороги, они пытаются сдвинуть его, поколебать его положеніе и лишить его притязаній на господство надъ сердцами простого народа, каковымъ въ Англіи являются главнымъ образомъ рабочіе.

Въ этомъ отношеніи положеніе религіи въ Англіи внушаетъ серьезныя опасенія. Что христіанскія массы отторгаются отъ вѣры во Христа—это несомнѣнно. Еще несомнѣннѣе, что это отторженіе происходитъ одновременно съ объявленіемъ новаго похода противъ христіанства—и поэтому, можетъ быть, обусловлено имъ.

Если не ошибаемся, кажется, вотъ уже года три на лондонскомъ книжномъ рынкѣ народилось новое явленіе. Мы знаемъ, что англійскія книги—вообще говоря—дороги. Каждый захудалый авторъ издаетъ свой романъ въ переплетѣ—на толстой бумагѣ съ крупной печатью. Но теперь это не единственный типъ англійской книги. Входятъ въ употребленіе изданія цѣною въ шесть пенсовъ (около 25 коп.) и на эти то изданія рассчитана рационалистическая пропаганда, The Rationalist Press Association (или сокращенно R. P. A.) наводняетъ страну дешевой литературой—разнаго достоинства. Среди солидныхъ книжекъ этого изданія есть устарѣ-

для произведенія агрессивнаго невѣрія, какъ можно судить изъ слѣдующаго списка:

1. Huxley's lectures and essays. (A Selection.) With Autobiography.
2. The pioneers of evolution. By Edward Clodd.
3. Modern science and modern thought. By Samuel Laing. With Illustrations.
4. Literature and dogma. By Matthew Arnold.
5. The riddle of the universe. By Professor Ernst Haeckel.
6. Education: Intellectual, Moral, and Physical. By Herbert Spencer.
7. The evolution of the idea of god. By Grant Allen.
8. Human origins. By Samuel Laing.
9. The service of man. By J. Cotter Morison.
10. Tyndall's lectures and essays. (A Selection).
11. The origin of species. By Charles Darwin.
12. Emerson's addresses and essays. With Introduction by Dr. Stanton Coit.
13. On liberty. By J. S. Mill.
14. The story of creation. By Edward Clodd.
15. An agnostic's apology. By Sir Leslie Stephen.
16. The life of Jesus. By Ernest Renan.
17. A modern zoroastrian. By Samuel Laing.
18. An introduction to the philosophy of Herbert Spencer. By Professor W. H. Hudson.
19. Three essays on religion. By John Stuart Mill.

Въ extra series даны.

1. Jesus Christ: His Apostles and Disciples in the Twentieth Century. By Count Samille de renesse.
2. Haeckel's critics answered. By Joseph McCabe.
3. Science and speculation. By G. H. Lewes.
4. New light on old problems. Being Thoughts on Science, Theology, and Ethics. By John Wilson. M. A.
5. Ethics of the great religions. By C. T. Gorham.
6. A new catechism. By M. M. Mangasarian.

Вотъ эта то смѣшанная литература является чѣмъ то вродѣ Библии для ораторовъ и журналистовъ материализма, которые по всей Англии и особенно въ большихъ мануфактурныхъ центрахъ атакуютъ англійское христіанство во всѣхъ его видахъ.

Типичные примѣры проявленія популярнаго рационализма въ Лондонѣ можно наблюдать въ Гайдъ Паркѣ, у мраморныхъ воротъ особенно въ воскресенье. Нѣсколько кучекъ разношерстной публики сплотились около говоруновъ, стоящихъ на маленькихъ платформахъ, на опрокинутыхъ ящикахъ или иногда просто на бочкахъ. За платформами помѣщаются транспаранты вывѣски, на которыхъ обозначается программа оратора. Иногда встрѣчаются курьезы, напр.— „all things proof“ доказательство *всего*. Нѣкоторые изъ слушателей не могутъ воздержаться отъ выраженія своего мнѣнія вслухъ. Естественно завязывается споръ, при чемъ вокругъ спорщика образуется новая маленькая группа. Вотъ напр., о *неразумности* устройства этого міра говорить—судя по костюму и синяку подъ глазомъ—если не ночной громила, то во всякомъ случаѣ человѣкъ, близко знакомый съ учрежденіями криминальнаго характера. Ему нашелся возражатель.— „Какъ же нѣтъ ничего разумнаго въ устройствѣ міра, сказалъ онъ: ну, вотъ видишь мой палець? Почему онъ сгибается къ ладони, а не назадъ? Для того чтобы имъ можно было брать. Какъ я могъ бы брать предметы, если бы мои пальцы сгибались назадъ?“ Другой разговоръ. Одинъ говоритъ: „христиане въ средніе вѣка сожигали вѣдьмъ“.— „Ну чтоже что сожигали, отвѣчаетъ другой: а почему ты знаешь, что тогда не было вѣдьмъ?“

Мы не говоримъ: таковы ораторы, а такова публика, въ которой они говорятъ. Слушателемъ въ Гайдъ-Паркѣ является главнымъ образомъ англійскій рабочий. Это—хотя человѣкъ грамотный, но мало знакомый съ книгами и свободнымъ временемъ. Умственная тьма застилаетъ его очи. Онъ, можетъ быть, человѣкъ честный, но предубѣжденный и съ узкимъ умственнымъ кругозоромъ. Воспитаніе въ школѣ будитъ въ немъ любознательность, амбицію, внушаетъ ему самоуваженіе, но оно не надѣляетъ его еще способностью различать софизмы и оцѣнивать доводы. Обстоятельства его жизни вообще мѣшаютъ трезвому приложенію на практикѣ его мыслительныхъ способностей. Рационализмъ поражаетъ его ухо какъ нѣчто неслышанное—необычайной новизной. Презрѣніе ко всему мистическому, сверхъчувственному и чудесному привлекаетъ его своей смѣлостью, равно какъ и огульное осмѣяніе христианства. Въ исторіи ему нравятся

черные факты,—онъ напр. любитъ останавливаться на проявленіяхъ религіознаго фанатизма въ средніе вѣка и не преминетъ укорить ими защитника религіи. И вотъ надъ такимъ то беззащитнымъ въ умственномъ отношеніи чело-вѣкомъ оперируетъ пропагандистъ раціонализма.

Популярный раціонализмъ въ Англіи носитъ характеръ отрывочности, безсистемности и случайности. Избирается для нападенія тотъ или другой—пунктъ христіанскаго ученія только потому, что подъ рукой оказалось нѣчто подходящее для такого нападенія. Философская постановка и обоснова-ніе положенія, ясность идей и аргументація, обстоятельность и точность и главное—скромность и сознаніе надлежащей трудности задачи—*опровергнуть христіанство*,—положительно отсутствуютъ.

Какъ бороться съ такимъ *раціонализмомъ*? Такъ какъ онъ лишень философскаго обоснованія и научности, то, конечно, систематическая философская и научная апологія христіанства не вполне приложима для его опроверженія. Я наблюдалъ въ Гайдъ-Паркѣ какъ ведется защита христіанства клерджимэнами, и изъ такихъ наблюденій вынесъ убѣжденіе, что поле остается не затѣмъ, кто ученѣе и серьезнѣе, за кого говорятъ факты и логика, а за тѣмъ, кто народнымъ языкомъ умѣетъ апеллировать къ чувствамъ толпы. По нашему мнѣнію однимъ изъ лучшихъ апологетовъ христіанства противъ нападковъ на него популярнаго раціонализма является Mr Cheslerton сотрудникъ Daily News извѣстный молодой литературный критикъ, отличающійся умомъ, смѣлостью мысли и остротой пера. Но онъ никогда не относится къ своимъ оппонентамъ серьезно, онъ полемизируетъ съ ними какъ бы играя. Онъ беретъ не ученостью, а какою то необъяснимою увлекательностью и талантливостью, мастерскою формой и своеобразнымъ стилемъ. Главное въ современной апологетикѣ не въ томъ, что бы знать, что говорить, а въ томъ, чтобы знать и умѣть *какъ* говорить въ защиту христіанства.

По поводу популярнаго раціонализма выросла въ Англіи нѣмая литература. Напр. на изданія R. P. A. отвѣчали очень многіе и отвѣчали хорошо. Для успѣшной борьбы съ дешевыми антирелигіозными и антихристіанскими изданіями явилось необходимою, конечно, удешевленіе хорошихъ

богословскихъ книгъ. Въмѣстѣ съ удешевленіемъ книгъ апологетическимъ методомъ является, такъ сказать, размѣнь мыслей на мелочи. Апологетика въ Англіи носить теперь характеръ приспособляемости къ *случайнымъ* запросамъ времени, и въ этомъ ея современность, а, слѣдовательно, и достоинство. „Размѣняться на мелочи“ для современнаго апологета такимъ образомъ вовсе не значитъ стать ниже своего призванія. Что дѣлать—долженъ же кто-нибудь стоять между академической наукой и запросами времени.

II.

Новая реформація въ англійскомъ богословіи.—Историческое введеніе.—Характеристика нео-англиканства.—Эволюція въ приложеніи къ религіи.—Аллегорическое толкованіе Св. Писанія.—Библейскія чудеса.—Эволюція откровенія: Библия не считается основаніемъ христіанской вѣры.—Отрицаніе символовъ вѣры: эволюція догматики.—Отрицаніе благодати Св. Духа: богодуховенность пророковъ, апостоловъ и христіанской церкви не считается основой христіанской вѣры.—Воплощеніе—центр христіанства и второстепенное значеніе библейскихъ данных: субъективный опытъ вѣры.—Доброе вліяніе греческихъ отцовъ и учителей церкви.—*Kévous* и крайнее злоупотребленіе имъ въ логико-апологетическихъ цѣляхъ.—Христология нео-англиканъ: новое исторіанство.—Раздвоеніе лика І. Христа: Христосъ синоптиковъ и Христосъ вѣры.—Заключеніе.

Говоря о методахъ современной англійской апологетики не можемъ умолчать о томъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ христіанскаго ученія англійскіе богословы, призванные защищаться отъ нападковъ со стороны „внѣшнихъ“, сами подкапываютъ основы христіанства. Поэтому отъ популярнаго перейдемъ къ научному раціонализму и отъ вульгарной—къ университетской, ученой критикѣ Библии и посмотримъ, какъ въ настоящее время отражаются и въ какомъ направленіи рѣшаются нѣкоторые вопросы догматико-богословскаго и экзегетическаго характера въ англійской литературѣ и какъ, въ частности, богословская мысль, ведя апологетическую борьбу съ невѣріемъ и раціонализмомъ,—въ тоже время сама—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ новѣйшей историко-археологической и текстуальной критики Библии—переживаетъ такое измѣненіе, какое едва-ли переживала со времени реформацин.

Вопросы библейской критики, первоначально занимавшіе

только ученыхъ, въ настоящее время находятъ себѣ доступъ въ публику черезъ посредничество англійской прессы и проповѣди. Они не только возбуждаютъ интересъ, но и причиняютъ не малое безпокойство и сомнѣнія во многихъ. Наступило дѣйствительно время, когда нужно что-нибудь сдѣлать, чтобы хотя отчасти устранить затрудненія въ умахъ многихъ англиканъ. Нѣкоторые сомнѣваются, едва-ли возможно совершенно „перестроить вѣру“ при свѣтѣ новѣйшихъ изысканій и „приспособить ее къ новымъ требованіямъ“. Но, говорятъ, общіе результаты и тенденціи компетентной критики достаточно хорошо опредѣлились, для того чтобы сдѣлать умѣстнымъ или практичнымъ нѣкоторое приспособленіе къ нимъ.

Нужно что-нибудь сдѣлать,—и такимъ-то образомъ подъ давленіемъ обстоятельствъ изъ-за апологетическихъ соображеній возникаетъ научный рационализмъ въ англиканствѣ. Будто бы уже нѣтъ другаго исхода какъ только отступитъ съ позицій, въ теченіе столькихъ вѣковъ отстаивавшихся христіанской апологетикой.

Либеральное направленіе, которое отличается уступчивостью и стремленіемъ приспособляться къ новѣйшимъ выводамъ науки,—явленіе сравнительно недавнее въ англиканскомъ богословіи. Тѣмъ не менѣе теперь оно господствуетъ и окончательно поглотило собою старое теченіе, тянувшееся почти до конца XIX-го вѣка и стремившееся придерживаться установившихся формъ церковнаго ученія.

Либеральное направленіе англійской мысли началось параллельно съ возрожденіемъ естественныхъ наукъ въ прошломъ XIX в. и смягченіемъ первоначально враждебнаго отношенія къ нимъ.

Генесисъ научнаго англійскаго рационализма завелъ бы насъ далеко отъ предмета настоящей статьи. Скажемъ кратко, что пионеромъ библейскаго рационализма въ Англии является Fred. Denison Maurice, труды котораго: *Patriarchs and Lawgivers* (1851), *Prophets and Kings of the Old Testament* (1853), обращающіеся съ неслыханной дотолѣ свободой съ библейскими темами, явились для многихъ изъ его современниковъ положительнымъ откровеніемъ. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно другой книги: I. R. Mozley's *Ruling Ideas in Early Ages* (1876) и въ гораздо большей степени о

книгѣ *Esse Homo* (1865), принадлежавшей перу г. Seely. Въ 1860 г. появились знаменитые „*Essays and Reviews*“ подъ ред. Джовета, Бристоу, Вильсона и Вильямса. Первая статья въ этой книгѣ принадлежала Темплу, впоследствии арх. Кэнтбурійскому. Два сотрудника этой книги были осуждены за свои статьи Арочнымъ судомъ, но оправданы Тайнымъ Совѣтомъ. Значеніе книги „*Essays and Reviews*“ и возбужденный ею переполохъ въ англиканскомъ богословскомъ мірѣ объясняются тѣмъ, что „*Essays & Reviews*“ есть „попытка иллюстрировать тѣ выгоды, которыя доставляетъ религіозной и моральной правдѣ свободное обращеніе съ предметами, страдающими отъ повторенія условныхъ фразъ и традиціоннаго метода“. Положительная цѣнность этихъ „*Essays & Reviews*“ не велика, но все-таки слѣдуетъ замѣтить, что многія изъ мыслей, находимыхъ въ этой книгѣ, въ настоящее время считаются общепризнанными въ англиканскомъ богословіи.

„*Essays and Reviews*“ заслуживаютъ всесторонняго и спеціального обслѣдованія (которому здѣсь нѣтъ мѣста), потому что это книга и возбужденная ею полемика являются, такъ сказать, однимъ изъ главныхъ придорожныхъ столбовъ того пути, по которому прослѣдовала трансформировавшаяся англійская богословская мысль XIX-го вѣка.

Слѣдующимъ по времени замѣчательнымъ памятникомъ изъ исторіи либеральнаго англійскаго богословія XIX-го вѣка является полемика, возбужденная Колензо и обнаруженные ею факты. Колензо (англиканскій епископъ въ Южной Африкѣ) пришелъ къ убѣжденію, что все пятокнижіе нельзя считать богодухновеннымъ произведеніемъ Моисея. Будучи по воспитанію математикомъ, онъ сталъ прилагать къ богословскимъ вопросамъ особые методы, и результаты своихъ работъ издалъ въ цѣлой серіи разсужденій, появившихся въ печати между 1862 и 1879 годами. Дѣятельность епископа Колензо возбудила въ Англии горячую полемику и привела къ судебнымъ процессамъ. Для насъ она имѣетъ значеніе по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-1-хъ она ясно показываетъ, что въ половинѣ XIX-го вѣка предъубѣжденіе противъ современныхъ критическихъ методовъ далеко не было всеобщимъ и дружнымъ въ англійской церкви. Когда возникла попытка лишить Колензо его епископскаго

содержанія, въ Англии было собрано ему значительное денежное приношеніе, въ каковомъ участвовали многіе клерджимены. Во-2-хъ, замѣчательно, что со времени процесса Колензо и до нашихъ дней видные представители англійскаго духовенства не разъ высказывали мнѣнія, сходныя въ общемъ со взглядами еп. Колензо, но ни разу не подвергались судебному преслѣдованію изъ-за такихъ мнѣній и продолжали пребывать въ средѣ англійскаго духовенства.

Дальнѣйшее поступательное движеніе англійской богословской мысли въ либеральномъ направленіи должно быть отмѣчено появленіемъ двухъ книгъ. Одна изъ нихъ — *Lux Mundi* вышла въ свѣтъ въ 1889 году подъ ред. еп. Гора, другая — *Contentio Veritatis* — уже въ новомъ, XX-мъ столѣтіи. Не интересно отношеніе къ этимъ книгамъ англиканскаго міра. Приемъ, оказанный книгѣ еп. Гора, свидѣтельствовалъ о перемѣнѣ въ общемъ настроеніи умовъ сравнительно съ эпохой, въ которую появились „*Essays & Reviews*“. Что же касается *Contentio Veritatis*, то появленіе ея въ Лондонѣ (уже на нашей памяти) не ознаменовалось ничѣмъ, достойнымъ занесенія въ лѣтопись событій. Изучая исторію англиканства за вторую половину 19-го вѣка мы замѣчаемъ, что книги *Essays and Reviews*, въ которой въ первый разъ англиканскіе богословы дѣлали уступки результатамъ библейской критики, была такъ сказать, первой ложкой непріятнаго свадебья, съ которымъ англійская мысль, очевидно, свыкается.

Essays and Reviews, *Lux Mundi* и *Contentio Veritatis* стали достояніемъ историческаго прошлаго. Для желающихъ познакомиться съ положеніемъ самыхъ интересныхъ и современныхъ вопросовъ англійскаго богословія, изученіе этихъ книгъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ является очень полезнымъ и интереснымъ введеніемъ. Особенно любопытно сравнить съ первой книгой вторую и третью. Тогда видно, какъ прогрессировали уступки англиканъ библейской критикѣ, пока не привели ихъ къ современному положенію вещей. Что касается отношенія общественнаго мнѣнія къ этимъ новымъ явленіямъ англійскаго богословія, какъ мы его только что отмѣтили, то оно, конечно, содѣйствовало прогрессу либеральнаго богословія.

Окончательная сформировка того типа англиканскаго богословія, о которомъ мы говоримъ и которому теперь уже

пора дать новое названіе нео-англиканства, несомнѣнно совершилась въ наши уже дни не безъ вліянія пр. Гарнака,—въ особенности его книжки „Сущность христіанства“, ставшей въ Англии популярной, и аббата Люази, которымъ очень занимались въ свое время въ Англии.

Мысль о прогрессивномъ ростѣ богословія сообразно съ потребностями и запросами времени и успѣхами человѣческаго знанія не нова для насъ, для католиковъ и для англиканъ—если имѣть въ виду богословскія мнѣнія, которыя и съ православной точки зрѣнія могутъ быть отброшены, если бы они не согласовались съ фактами. Но въ нео-англиканствѣ къ измѣнчивымъ богословскимъ мнѣніямъ присовокуплены теперь существенные пункты христіанскаго ученія, догматическія формулы, символы церковныя,—съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда отказаться отъ всякихъ попытокъ примиренія вѣры и знанія, Библии и науки, которыми съ такимъ усердіемъ занималось „старое“ богословіе. Примиреніе это послѣ многолѣтнихъ хитроумныхъ попытокъ будто бы оказалось совершенно недостижимымъ и неосуществимымъ. Нужно просто отбросить „старое“ пониманіе Библии, потому что наступило время понимать ее „по новому“. Напр. библейская исторія вовсе не происходила такъ, какъ думаютъ. Вторая глава кн. Бытія (не говоря уже о первой) для теперешняго декана Вестминстерскаго аббатства,—напр., только аллегорія, аллегорія того, что Богъ есть начало всякаго творчества, что Онъ созидаетъ путемъ медленнаго развитія, что низшее предваряетъ высшее, что самое высокое и послѣднее въ твореніи есть человѣкъ и т. д. и т. д.

До сихъ поръ мы знали англійскую экзегетику знаменитой веймбриджской школы,—экзегетику прежде всего *буквального* пониманія текста библейскаго и относили ее къ историческому типу антиохійской мысли. Теперь же аллегорическое толкованіе Библии нео-англиканъ все болѣе завоевываетъ себѣ сторонниковъ среди англиканскихъ богослововъ. Оригенъ теперь цитируется у нихъ нерѣдко, и александрійскій типъ мысли преобладаетъ: это очень любопытно.

Англичане „добраго стараго“ времени,—вродѣ, напр., Гладстона, вѣрили во все чудесное въ христіанствѣ. Въ ихъ глазахъ Библия была непогрѣшима, и смыслъ cadaго биб-

лейскаго предложенія — богодухновененъ (хотя они и допускали, что грамматика и фразеологія въ Библии человѣческія). Теперешніе нео-англикане не отрицаютъ того, что чудеса были и что они могутъ быть. Но они классифицируютъ чудеса на „болѣе вѣроятныя“ и „менѣе вѣроятныя“ (см. ст. Уайльда „Объ ученіи І. Христа“ въ *Contentio Veritatis*), т. е. принимаютъ чудеса съ разборомъ. Принимая свидѣтельства Библии о томъ, что такія то и такія то чудеса дѣйствительно совершились, они вовсе не думаютъ, что Библия всегда непогрѣшима въ повѣствованіи о чудесахъ, потому что и вообще Библия, по ихъ мнѣнію, не непогрѣшима. Особенно въ своихъ раннѣйшихъ частяхъ, думаютъ они, она содержитъ много ошибокъ. Начало книги Бытія, говорятъ они, мнѣнно, и вся библейская исторія есть сплетеніе историческихъ событій и легендъ. Въ качествѣ примѣра историческихъ погрѣшностей Библии теперь любятъ ссылаться на противорѣчіе между кн. пр. Давиила и тѣмъ, что говорится въ лѣтописной таблицѣ Кира, изъ которой явствуется, что Вавилонъ не былъ покоренъ Киромъ, а сдался безъ борьбы Персамъ или точнѣе эламитами и что въ то время царемъ Вавилонскимъ былъ не Валтасаръ, а Набонидосъ ¹⁾. Даже въ самой евангельской исторіи, по мнѣнію нео-англиканъ, и въ нашемъ — обще-христіанскомъ пониманіи ея, много ошибочнаго (не говоря уже о „малой вѣроятности“ такихъ изолированныхъ чудесъ, каковы, напр., изсушеніе смоковницы). Ошибки происходятъ, по ихъ мнѣнію, отчасти потому, что евангелисты не достаточно были освѣдомлены въ томъ, что писали, отчасти же потому, что они перерабатывали историческій матеріалъ подъ угломъ зрѣнія признанныхъ тогда мессіанскихъ пророчествъ, съ цѣлію указать въ евангельской исторіи возможно больше совпаденій съ предвозвѣщеннымъ пророками. Съ другой стороны и мы, утверждаемъ они, понимаемъ тексты черезчуръ буквально. Для оксфордскаго профессора Dr Sandey'я повѣствованіе ев. Матѳея о рожденіи І. Христа значитъ не то, что мы обыкновенно подъ нимъ разумѣемъ, а то, что въ исторіи христіанской церкви было нѣкогда время, когда Богу было угодно, чтобы христіане

1) Это противорѣчіе разобрано у G. Pinches'a въ книгѣ *The oed testament in the Light of Historical Records*.

думали, что І. Христось родился отъ Дѣвы ¹⁾. По мнѣнію тепершняго епископа Бермингамскаго архангелъ Гавриилъ вовсе не являлся Захаріи. Дѣло, будто бы, здѣсь идетъ о полученіи субъективной интуиціи, которая въ воображеніи Захаріи предстала во внѣшней формѣ ангела. По мнѣнію того же епископа Гора такія подробности евангельской исторіи какъ ослица съ осленкомъ, тридцать сребренниковъ и смѣшеніе желчи съ уксуомъ, суть не факты,—а *прибавки*, сложившіяся подъ сильнымъ вліяніемъ пророка Захаріи и псалмопѣвца. Евангелистъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что І. Христось есть Мессія,—„безсознательно“ находитъ эти совпаденія съ ветхозавѣтными пророчествами.

По мнѣнію нео-англиканъ богодухновенная Библия не свободна отъ ошибокъ ограниченнаго человѣческаго знанія: она погрѣшаетъ противъ историческихъ фактовъ, слѣдовательно можетъ погрѣшить и относительно фактовъ чудесныхъ. Такимъ то образомъ, раздѣляя чудеса на „вѣроятныя“ и „невѣроятныя“ („стань солнце“ Иисуса Навина) стараются „спасти Библию“ и уничтожить „разногласіе между ортодоксіей и научной мыслью“.

Откровеніе нео-англикане понимаютъ, конечно, въ смыслѣ эволюціоннаго процесса, при чемъ данное первоначально приходитъ въ ветхость, дѣлается несовершеннымъ и замѣняется пѣтому новымъ—высшей стадіей развитія. Этимъ объясняются несовершенства Ветхаго Завѣта. Этимъ же—тѣмъ обстоятельствомъ, что откровеніе дается постепенно,—объясняется и исполненіе пророчествъ. Пророчества оказались таковыми только впоследствии,—по сличеніи событій. Въ моментъ же своего произношенія они не были пророчествами. Для насъ пророчество,—но ветхозавѣтный человѣкъ не могъ видѣть такъ ясно того, о чемъ мы знаемъ какъ объ исторически случившемся, говорятъ нео-англикане.

Читатель спроситъ: что же остается отъ богодухновенности Библии, этой опоры англиканства?—Если бы и *ничего* не осталось,—нео-англикане сьумѣли бы выйти изъ затрудненія. Но всетаки сказать, что они отрицаютъ богодухновенность

1) Ир. Сэндей не принадлежитъ къ крайней либеральной партіи оксфордскаго богословія, что видно изъ его критики книги „Contentio Veritatis“ въ Journal of Theological Studies.

Библии—будетъ невѣрно. Они только не признаютъ болѣе Библию за основу христіанской вѣры. Авторитета Библии теперь въ Англіи не существуетъ. Церковный же авторитетъ, выражающійся, напр., въ символахъ вѣры,—англикане признаютъ съ неохотой. Съ точки зрѣнія нео-англиканина всякая попытка догматической формулировки вѣры—будетъ-ли то никео-цареградскій символъ или англиканскіе артикулы—статьи вѣры,—всякая попытка обречена съ теченіемъ времени на увяданіе и переустройство. Почему?—Да потому, что „богословіе эволюціонируетъ“,—развивается, приспособляясь къ запросамъ времени. Что съ точки зрѣнія нео-англиканина значатъ формулы, выработанныя „церковною жизнью, обусловленныя степенью интеллектуальнаго развитія ихъ составителей, состояніемъ культуры“ и т. д.—если божественное откровеніе, заключенное въ Библии, считается въ своихъ раннѣйшихъ стадіяхъ недостойнымъ защиты и передается въ руки всеразрушающаго критическаго огня—съ тѣмъ, будто бы, чтобы спасти остальную часть зданія? Разъ, „богословіе эволюціонируетъ“—сегодняшній курсъ догматики можетъ быть завтра измѣненъ. Съ точки зрѣнія нео-англиканина статьи ли, символы ли вѣры—такіе же курсы догматики.

Въ прошлый 1904 годъ шла полемика объ Аванасьевомъ символѣ. Но дѣло не въ томъ, что клерджимены не желаютъ подписываться подъ положеніями, противъ которыхъ „возстаетъ ихъ совѣсть и ученое сознаніе“, а въ томъ, что, какъ мы замѣчаемъ, все большее и большее распространеніе получаетъ мысль нео-англиканства: вѣра въ Духа Святаго, дѣйствовавшаго въ пророкахъ и апостолахъ, писателяхъ св. книгъ и пребывающаго въ церкви на вселенскихъ соборахъ не есть основа христіанскаго міросозерцанія. Вѣра въ животворящаго Духа *слѣдуетъ*, а не предшествуетъ вѣрѣ во Христа. Мы бы сказали, что нео-англикане двигаются въ направленіи отрицанія благодати Духа Святаго. По ихъ мнѣнію что необходимо для обращенія къ вѣрѣ во Христа—такъ это нравственное предрасположеніе, которое дѣлаетъ понятнымъ и вѣроятнымъ то, во что вѣрятъ христіане. Но отмѣчая этотъ недостатокъ, мы не можемъ не поставить въ особую заслугу характеризуемой нами школѣ богословія выясненіе факта субъективнаго опыта вѣры. Она хорошо

выясняетъ, какъ человѣкъ подпадаетъ подъ вліяніе *человѣческой* личности Христа Спасителя съ тѣмъ, чтобы постепенно узнать, что личность эта—*божественна*.

Точкой отправленія для вѣры въ чудеса христіанства должно быть по мнѣнію нео-англиканина убѣжденіе въ великомъ міровомъ чудѣ—Христѣ, воплощенномъ Богѣ. Воплощеніе—вотъ начальная и центральная истина христіанской догматики и апологетики, по мнѣнію нео-англиканъ. Изъ воплощенія съ логическою необходимостью вытекаетъ воскресеніе І. Христа изъ мертвыхъ. Эти два чуда божественной личности — составляютъ сущность христіанства, выяснитъ которую стремится современная богословская мысль. Разъ признается, что І. Христосъ есть *сверхъестественная* личность — нѣтъ никакихъ оснований *исключать* чудеса, связанныхъ съ Его земною жизнью. Его рожденіе должно отличаться отъ рожденія другихъ людей (рожденіе отъ дѣвы), и Его взятіе отъ земли также должно быть *чрезвычайнымъ*. Если І. Христосъ ходилъ по водамъ, то это такъ же естественно, какъ и то, что Онъ училъ народъ съ лодки.

Только уже послѣ того, какъ доказана *я ргіоі* возможность чудеса, нео-англикане обращаются къ Библии и здѣсь находятъ, что событія, вѣроятность коихъ нельзя отрицать, дѣйствительно имѣли мѣсто тогда то и при такихъ то обстоятельствахъ. Рожденіе І. Христа должно было быть *необычнымъ*: оно дѣйствительно таковымъ и было. Онъ не былъ рожденъ отъ похоти плотской, отъ похоти мужеской. Онъ долженъ былъ побѣдить смерть, и Онъ дѣйствительно побѣдилъ ее. Взятіе Его отъ земли должно было быть чудеснымъ: оно таковымъ и было, ибо Онъ вознесся на небо. І. Христосъ долженъ повелѣвать всей природой: такъ и было. Въ циклѣ евангельскихъ чудесъ, свидѣтельствующихъ о царской власти Мессіи надъ природой *нѣкоторыя* дѣйствительно имѣли мѣсто,—тѣ, которыя удовлетворяютъ требованіямъ критическаго метода, какъ напр. чудесное умноженіе хлѣбовъ и насыщеніе народа, въ которыхъ сказалась творческая сила І. Христа.

Мы просимъ читателя обратить особое вниманіе на то, какъ съ перемѣной центра тяжести въ догматикѣ измѣняется апологетическій методъ борьбы нео-англиканъ съ невѣріемъ. Прежде Божество І. Христа доказывалось исполненіемъ надъ нимъ пророчествъ и чудесными обстоятельствами Его рожде-

нія, земной жизни, воскресенія и вознесенія, — обстоятельствами, которыя дѣлали Его жизнь исключительною даже въ глазахъ людей невѣрующихъ. Дѣйствительность же чудесныхъ обстоятельствъ жизни І. Христа подтверждалась ссылкой на непогрѣшимость Библии и на *признаніе ея церковью*. Чѣмъ напр. доказывалось рожденіе отъ Дѣвы?—Ссылкой на Евангеліе, Игнатія Богоносца и Іустина муч. Отъ Антіохіи до Ефеса, какъ говоритъ Iwete (The Apostles Crud & its Relation to Primitive Christianity, p. 55) въ началѣ II-го вѣка вѣра въ Рожденіе І. Христа отъ Дѣвы была всеобщей. Но этотъ аргументъ не имѣетъ надлежащей силы въ глазахъ нео-англиканъ: вѣра церкви растетъ и измѣняется сообразно обстоятельствамъ. Наша христологія есть результатъ развитія церковной жизни, и ссылки на церковное преданіе ничего не доказываютъ кромѣ того что, какъ выражается Dr. Sandey, было время, когда Богу угодно было, чтобы церковь вѣровала въ то-то и то-то,—и она дѣйствительно вѣровала. Нео-англикане начинаютъ свою апологію христіанства противъ современнаго невѣрія стараніями доказать априорную необходимость воплощенія. На этомъ постулатѣ вѣры, который дѣлаетъ возможнымъ и другія чудеса, они создаютъ зданіе христіанской догматики, принимая только то, что обусловлено фактомъ воплощенія и находятъ въ немъ свое объясненіе, и отбрасывая все то, что не вытекаетъ логически изъ этого факта.

Новѣйшее англиканское богословіе получаетъ все ббльшую и ббльшую логическую стройность и убѣдительность съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдніе годы въ немъ совершается знаменательный процессъ перехода отъ характерной точки зрѣнія латинскаго богословія (т.-е. того богословія, которое зародилось въ Римской Африкѣ) на сторону богословія греческихъ отцевъ и учителей церкви. Епископъ Вестлошттъ однажды совершенно вѣрно замѣтилъ, что англикане много претерпѣли изъ-за африканизма, который господствовалъ въ Европѣ со временъ Августина и былъ не разъ причиной возраженій, выставлявшихся противъ христіанской догматики.

Мало этого. Поворотъ отъ латинскихъ къ греческимъ писателямъ не только устраняетъ многія возраженія, но и измѣняетъ группировку идеѣ въ новѣйшемъ англиканскомъ богословіи, подчеркивая въ немъ главнымъ образомъ дѣй-

ствительность воплощенія и историческiй характеръ земной жизни воплотившагося Сына Божiя. Нео-англикане во главѣ съ лучшими изъ современныхъ англиканскихъ богослововъ—Горомъ, епископомъ бермингемскимъ, любятъ останавливаться на *κρίσις* (Фил. II, 6 и сл.) Спасителя, и убѣждены, что безпристрастное изслѣдованіе ученія Новаго Завѣта объ этомъ предметѣ уясняетъ его вполне. Вѣря, что Спаситель смирилъ себя, послушливъ былъ даже до крестной смерти и сталъ во всемъ подобнымъ намъ кромѣ грѣха—нео-англикане пользуются этимъ пунктомъ христіанскаго ученія въ качествѣ оружія противъ нападокъ на характеръ историческаго Христа, Христа синоптиковъ. Но тутъ они доходятъ до крайностей, которыя, боимся мы, приведутъ ихъ къ новому несторіанству. Не даромъ уже нѣкоторые называютъ Гарнака и школу Луази ¹⁾, подъ вліяніемъ коихъ стоятъ отчасти нео-англикане, современными несторіанами.

Дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. По мнѣнію нео-англиканъ воля, а не знаніе приводитъ насъ въ Богу. Богъ есть любовь, и поэтому Онъ не имѣетъ мѣста въ мірѣ познаваемыхъ вещей, если только идею о Богѣ не понимать какъ результатъ наблюденій надъ порывами нашей индивидуальной воли къ достиженію добра. Мы знаемъ Бога не умомъ, не по тѣмъ или инымъ историческимъ фактамъ, а по нашимъ моральнымъ усиліямъ. Для Гарнака Богъ вовсе не предметъ знанія и для Луази это вовсе не историческiй характеръ. Корнемъ миссіи и проповѣди апостольской нео-англикане считаютъ чувство единенія съ воскресшимъ Христомъ—воплотившимся и уже прославленнымъ Сыномъ Божіимъ. Это чувство единенія находитъ себѣ нѣчто аналогичное въ сердцѣ каждаго истиннаго послѣдователя Христа и теперь. Спрашивается: слѣдуетъ ли и насколько это мистическое, но тѣмъ не менѣе реальное чувство единенія съ воплотившимся и прославленнымъ Сыномъ Божіимъ ставить въ связь и зависимость отъ вѣры въ историческаго Христа Иисуса Назарея? Конечно, по мнѣнію нео-англиканъ, судя по опыту апостоловъ, чувство единенія со Христомъ прославленнымъ, мистическимъ, зарождается подъ

1) Самъ Луази раскаялся передъ папой и отказался отъ своихъ взглядовъ, такъ что осталась только его школа.

вліяніемъ личности Христа историческаго, Христа синоптиковъ. Но это положеніе англиканъ не проводится ими вполнѣ на практикѣ.

Они отрицаютъ всевѣденіе и всемогущество Иисуса Христа историческаго, Христа синоптиковъ. Они, напр., думаютъ, что Христось вѣриль въ изгнаніе бѣсовъ, раздѣляя ошибочныя мнѣнія своего времени. Эти идеи Онъ усвоилъ какъ составную часть воспринявшаго имъ челоувѣчества. Dr. Горъ думаетъ, что въ научныхъ вопросахъ I. Христось не былъ освѣдомленъ болѣе своихъ современниковъ: Онъ задерживалъ, погашалъ въ себѣ свое божественное самосознаніе съ тѣмъ, чтобы на самомъ дѣлѣ войти въ опытъ людей. Какъ и всѣ палестинскіе раввины, Онъ не могъ различать, напр. историческихъ ошибокъ писателей ветхозавѣтныхъ книгъ. Иногда, правда, Онъ училъ какъ всевѣдующее Существо, знаменуя тѣмъ, что въ немъ жила полнота божества тѣлесно. Но когда Онъ говорилъ, напр.,—о пребываніи Іоны во чревѣ китовѣ, Онъ говорилъ, по мнѣнію нео-англиканъ, только какъ простой челоувѣкъ, продуктъ извѣстной эпохи и среды.

Нео-англикане противопоставляютъ ликъ Христа историческаго, изображаемаго синоптиками и ликъ Христа, постигаемаго вѣрой—воскресшаго, прославленнаго, — ликъ, окруженный ореоломъ божества по изображенію четвертаго евангелиста и кристаллизованный въ догматахъ церковныхъ. Логось—это только гипотеза, по ихъ мнѣнію,—понятная, если принять во вниманіе современныя возникновенію ея философскія теченія. Но мы ошиблись бы, если бы сказали, что они считаютъ Христа божественнаго продуктомъ воображенія.

„Въ картинахъ кромѣ красокъ и полотна мы находимъ красоту; въ евхаристійныхъ элементахъ находимъ кромѣ хлѣба и вина Тѣло и Кровь Христа; такъ и въ тайнѣ воплощенія мы находимъ Божество по откровенію Его въ земной челоувѣческой жизни I. Христа“.—„Если разрѣзать картину, въ ней ничего не окажется кромѣ красокъ и полотна“. Точно также, говорятъ нео-англикане, подъ ножемъ исторической критики жизнь I. Христа есть обычная челоувѣческая жизнь, обычная челоувѣческая исторія. Историкъ не видитъ и не долженъ видѣть въ I. Христѣ ничего чудеснаго, никакого сверхъестественнаго самосознанія и знанія, хотя для

вѣры того же историка I. Христось есть откровеніе природы Божества, воплотившійся Сынъ Божій: предметъ религіозной вѣры и предметъ науки вовсе не совпадаютъ. Но это вовсе не значить, что предметъ религіозной вѣры какъ и сама вѣра—не реальны.

Мы боимся, что хринологія того типа религіозной мысли, характеристику котораго мы попытались сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ, должна повести послѣдователемъ его къ несторіанству. Въ самомъ дѣлѣ, если Христось „историческій“ не зналъ того, что зналъ I. Христось — Богъ то какъ возможно утверждать, что „эти“ „comme deux Christs“ совпадаютъ и являются одной Личностью?

Да, современное человѣчество снова стало производить попытки познать Бога и найти въ себѣ Его откровеніе помимо историческаго Христа. Сила историческаго примѣра и словъ Нашего Спасителя меркнутъ въ западной Европѣ, уступая вліянію другихъ руководителей человѣчества, которые хотя и заявляютъ, что водятся духомъ Христа, но на самомъ то дѣлѣ развиваются совершенно независимо отъ Него. Не признавая „историческаго“ Христа, они все еще считаютъ Его лучшимъ въ человѣчествѣ „типомъ интуитивнаго ума, въ которомъ „стремленіе къ добру и реальность“ совпали и „единеніе съ Богомъ“ достигло своего идеала. Но новые руководители христіанскаго міра на западѣ хотя и говорятъ о „психологической основѣ христіанства, въ которой полагаютъ единственное спасеніе въ виду „разгрома историческаго христіанства новѣйшей критикой“, хотя и заявляютъ о своемъ интуитивномъ, мистическомъ единеніи со Христомъ прославленнымъ,—на самомъ дѣлѣ подавляются окружающими ихъ впечатлѣніями земной, грѣшной жизни.

Почему измѣняютъ „историческому“ Христу? Да потому же, почему измѣнили древле-православной истинѣ пресуществленія въ таинствѣ евхаристіи. Современные англійскіе богословы начинаютъ съ хорошаго намѣренія: защитить историческій характеръ I. Христа противъ нападокъ на Него. Но усилія подчеркнуть историческій характеръ воплощенія приводятъ ихъ къ раздвоенію Личности I. Христа и въ проповѣди „мистическаго“ союза со Христомъ прославленнымъ. Не тоже-ли и въ ихъ ученіи объ евхаристіи? Начинаютъ съ отрицанія крайности католической трансубстанціа-

ціи, и кончаютъ мистикой и, отрицаніемъ реальности предложенія—Св. Даровъ другою крайностью.

Съ нашей православной точки зрѣнія логически-последовательнымъ является только одинъ апологетическій методъ въ борьбѣ съ крайностями и уродливостями современной библейской критики, которая, какъ видимъ, простираетъ свои разрушительные результаты уже и на Новый Заветъ: это именно не только отстаиваніе Христа прославленнаго, Христа вѣры, но и І. Христа, воплотившагося Сына Божія какъ историческаго характера, изображеннаго синоптиками—характера Богочеловѣка не только безгрѣшнаго, но также всевѣдущаго и всемогущаго. Хотя и „Тихій Свѣтъ Отца Небеснаго“,—Онъ не переставалъ быть Богомъ: какъ же говорить, что Онъ погасилъ свое божественное самосознаніе до того, что зналъ меньше, чѣмъ теперь знаемъ мы—Тварь Его?

Относительно научнаго рачіонализма и ученой критики Библии въ Англии для насъ несомнѣненъ одинъ фактъ: безъ нужды отдаются крѣпкія позиціи, на которыхъ христіанство такъ долго держалось на западѣ, и уступки эти, къ сожалѣнію, охотно принимаются недовольными массами номинальныхъ христіанъ, стоящихъ внѣ церкви, въ которой они были крещены и воспитаны.

Относительно „сущности христіанства“, на которой пытаются утвердиться ученые защитники христіанства на Западѣ, дѣло ясно какъ Божій день. Исусъ Христосъ, распятый при Понтійскомъ Пилатѣ пришелъ „спасти грѣшниковъ, отъ нихъ же первый есмь азъ“. Самое тѣсное и полное единеніе съ Нимъ въ церкви—черезъ таинство евхаристіи. Нужно жить проникаясь Имъ и Его вліяніемъ,—жить такъ какъ Онъ училъ жить—эта „сущность христіанства“ понятна и неученому христіанину. Наука второстепенна въ сравненіи съ главной цѣлью христіанской жизни и не должна загораживать собою этой цѣли. Всѣ мы—и православные, и римско-католики и англикане—какъ ученые такъ и неученые стремимся къ одному: сущность христіанства, нами исповѣдуемаго, не въ наукѣ, а въ жизни и доступна и неученымъ.

Христіанство не зависитъ отъ науки. Христіанство не было и не будетъ религіей только ученыхъ, и не научнымъ осно-

ваніемъ крѣпка церковь: краеугольный камень ея есть Христость и вѣра въ Него какъ воплотившагося Сына Божія.

Но съ другой стороны ничто не мѣшаетъ ученому чело-вѣку быть хорошимъ христіаниномъ или христіанину зани-маться наукой. Историко-археологическая (высокая—Higher criticism) и литературная (текстуальная) критика Библии законны—но, конечно, съ извѣстными ограниченіями. Когда же говорить, что главное дѣло теперь въ новооткрытыхъ фактахъ, а не въ Библии, которую они подтверждаютъ, когда называютъ новыхъ „могучихъ“ союзниковъ Библии, указывая на важные (будто бы) апологетическіе выводы, которые можно почерпнуть изъ занятій ассиріологіей и вообще археологіей, у насъ является впечатлѣніе передержки. Какъ будто Библия—этотъ памятникъ столькихъ вѣковъ—рушится, если отнять подпорки, подставляемая подъ нее разными Винклерами, Гункелями и другими учеными. Все на этомъ свѣтѣ склонно къ преувеличенію себя. Въ лондонскомъ туманѣ знакомые предметы принимаютъ характеръ фантастическихъ и гигантскихъ фигуръ: то-же происходитъ въ современной англійской богословской литературѣ,—да и вездѣ. Проф. Сейсъ, не-сомнѣнно, европейская знаменитость. Однако онъ и другіе ассиріологи-апологеты думаютъ и заставляютъ думать слиш-комъ много о своихъ открытіяхъ, подтверждающихъ библей-скія данныя. Пора заявить открыто, что положительныя дан-ныя, привнесенныя ассиро-вавилонской (не говоримъ уже о египетской) археологіей, незначительны, грѣхъ же умаленія ими библейскаго текста и вредъ, причиненный историческимъ основамъ христіанства—великъ. Это положеніе съ успѣхомъ можно защищать ссылкой на факты. До сихъ поръ еще не доказанъ научно „историческій“ характеръ четырнадцатой главы кн. Бытія, не установлено тожество Хаммураби и Амра-феля ¹⁾! Съ другой стороны откуда такія гипотезы, по кото-рымъ рожденіе отъ Дѣвы есть вавилонскій мифъ, Архангелъ Михаилъ—вавилонскій богъ Мардукъ и т. п.?—Другое дѣло текстуальная критика. Но послѣдняя до сихъ поръ скорѣе подтверждала, чѣмъ разрушала историческія основы хри-стіанства.

¹⁾ Попытки X Hommel'я и др. объяснить предательское (e) e въ словѣ Амрафель не такъ ужъ убѣдительно, хотя очень возможно, что Амрафель и Хаммураби одно лице, только это не доказано еще вполне.

Прошлое поколѣніе въ Англіи, какъ и у насъ въ Россіи, занималось выясненіемъ противорѣчій между данными естественныхъ наукъ и религіей или, точнѣе, между нѣкоторыми выводами, сдѣланными на основаніи научныхъ данныхъ и нѣкоторыми богословскими выводами. Знаменательно, что Дрейнеръ назвалъ свое анти-христіанское произведеніе „A conflict between Science and Religion“, а Эн. Уайтъ—свою гораздо болѣе умную и талантливую книгу озаглавилъ уже только „A conflict of Science and Theology“. Впрочемъ это забытое дѣло и прошлаго. Если теперь еще можно встрѣтить презрительность заносчиваго невѣра, то, смѣемъ утверждать, не въ мірѣ англійскихъ ученыхъ естествоиспытателей. Кругозоръ знанія расширился. Есть мѣсто для чудесъ, которыя отрицались въ канушемъ въ вѣчность вѣкъ болѣе узкой наукой. Признается вліяніе такихъ факторовъ, о которыхъ не думали пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны представители богословскаго вѣденія въ Англіи уже не считаютъ научные факты (напр. геологическіе) враждебными для христіанской вѣры и сходятся въ признаніи заслугъ, оказываемыхъ науками религіозному уму. Они убѣждены, что дарвинизмъ не противорѣчитъ происхожденію органическаго и неорганическаго міра отъ Бога и что нѣтъ на землѣ факта, о которомъ наука не могла бы думать по своему или не заслуживала бы быть выслушанной.

Теперь уже не естественники, а историки являются „ярыми приверженцами науки“ и нападаютъ на христіанство. Но наука истинная, т. е. скромная наука тутъ не причемъ. И сатана принимаетъ образъ ангела свѣтла. Разница между наукой и сатаной въ томъ, что наука—истина, а сатана—ложь. Корень ученаго раціонализма—въ гордости, желаніи руководствовать и самонѣніи нѣкоторыхъ ученыхъ. Закончимъ словами Теннисона: „A lie which is halt a Cruth is a harder matter to fight“. Поэтому то такъ трудно быть хоршимъ апологетомъ.

Діаконъ Ник. Преображенскій.

London
January 30, 1904.
